

Жюлькотар

сборник

Алёна
Ракитина

Людмила
Прохорова

ЛОТТЕ РУС
HOTEL & CONFECTIONERY

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ
«ЛИЦЕЙ»
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА
ДЛЯ МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ
И ПОЭТОВ

Rideró

Алёна РАКИТИНА

Колькотар. Сборник

«Издательские решения»

Ракитина А.

Колькотар. Сборник / А. Ракитина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852144-7

В сборник «Колькотар» входят повести «Колькотар» и «Прелатура», объединенные общими темами одержимости, наставничества, формирующей и вместе с тем разрушающей силы творчества.

ISBN 978-5-44-852144-7

© Ракитина А.
© Издательские решения

Содержание

Колькотар	6
Часть 1. Януш	6
Часть 2. Яна	10
Часть 3. Ян	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Колькотар Сборник

**Алёна Ракитина
Людмила Прохорова**

© Алёна Ракитина, 2017

© Людмила Прохорова, 2017

ISBN 978-5-4485-2144-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Колькотар

Повесть

Часть 1. Януш

Колькотар. Колькотар, коль-ко-тар. Слова размазываются жирным темно-красным, фиолетово-коричневым маслом по ушам, глазам, медленно затекают в ноздри и тягучим, расплавленным месивом стекают в горло. Колькотар. Элемов дает в руки тюбик с колькотаром и двенадцать. Двенадцать дней на картину. Картину полностью колькотаром. Говорит Хемингуэем. Рот пересыхает, губы обветриваются и растрескиваются. Дают жесткий кракелюр с приподнятыми краями сухой кожи. Колькотар. Я отвинчиваю колпачок и выдавливаю масляную личинку на подушечку большого пальца. Растираю. Тру. Тру. Труд. Трудно будет. Надо покорить. Элемов сказал покорить. Двенадцать дней на картину. Основное – это колькотар. И все его производные. Он многолик. Парижская красная. Английская красная. *Caput mortuum vitrioli*. Крокус. Железный сурик. Кол-ко-тар. Мумия. Колькотар. Смерть. От него пахнет разложением. В помещении душно. Нечем дышать. Остальные трое дышат. Тяжело. Я слышу каждый их вдох и выдох. Они втягивают прозрачными, усеянными капиллярами ноздрями раскаленный воздух. Вдох, вздох. Вздох, сдох. Выдох. Нам не хватает кислорода. Открыть окно. Но нельзя. Забито. Забыто. Будто никогда и не было у этого окна форточки, створок. Не окно, а зеркало. Элемов смеется. От него пахнет нефтью и смолой. Элемов смеется, остальные молчат. Опустили головы. Рассматривают себя изнутри. Почему колькотар? Почему колькотар? Глаза опять привыкают к мраку элемовской мастерской. Льняное масло желтеет без света. А света здесь нет. Элемов любит темноту. Пишет ночью. Днем умирает. Свет ненавидит. А масло у него желтое, льняное. Все его картины пожелтевшие. Теплые, горячие, извергающиеся лавой. Элемов ненавидит холод. Здесь всегда душно. Элемов презирает холод. И мы никогда при нем не говорим. Потому что мы холодные. От нас холодно. Он мерзнет и болеет от нас. В нас нет страсти. В нас нет огня. А в нем есть. Он запрещает нам разговаривать, когда мы пишем. А мы всегда пишем. И всегда молчим. Колькотар. Коль-ко-тар.

Я
Не
Могу.

Я не могу. Я не могу понять колькотар. Элемов говорит, что краска – это кровь картины. Она должна течь по венам нашего сознания. Быть нами. Быть на нас, в нас. На мне, во мне. Мной. Но я не понимаю колькотар. Он не хочет мне раскрыть свою суть. Я открываю окно. Я в своей мастерской. Мне можно. Здесь можно открывать окно. Грязный, прогорклый воздух молочным туманом вливается по подоконнику и стекает на пол. От моей одежды пахнет. Пахнет скипидаром и грязным телом. Я давно не мылся. Вода уносит с собой мутными потоками образы в канализационные коллекторы. Нельзя мыться, пока не кончил. Картину нужно обязательно закончить. Так учит Элемов. Но сам он никогда не ходит грязным. Пока я дышу улицей, в голове звенит и кружит. Много кислорода. Нельзя, иначе опять упаду в бессознательное. Закрываю и больше никогда не открываю. Я думаю над картиной. Я ее не вижу. Тру подбородок, покрытый свиной щетиной. Из глаза выпадает колонок. *Colcothar vitrioli*. Нордгаузенская серная кислота рождает тебя в муках. Как мать мертворожденное дитя. Обожженные остатки железного купороса или купоросного камня прокаливают в закрытых сосудах. Элемов поступает так же. Он прокаливает нас в закрытых помещениях, чтобы родилась мертвая голова.

Мумия. Я беру широкую кисть и провожу ей по холсту. Он готов. Загрунтован. Я тщательно грунтую. Это очень важно. Фундамент картины, как дома мыслей. Лучшие краски содержат всего один пигмент в максимальной концентрации. Красная железная окись. Крокус. Что я могу? Я не вижу тебя, не чувствую. Ты умерла у меня на руках. Я выдавливаю колькотар и растираю между ладоней. Пахнет масляной краской. Меня успокаивает этот запах и я ложусь на пол. Где-то на улице звенит и кружит. А здесь тихо и спокойно, как в склепе. Вскоре я засыпаю. Мне ничего не снится. Я никогда не вижу снов. Не то что Элемов. Он спит и видит сны. А потом мешает их с реальностью с помощью растворителя номер четыре и размазывает мастихином по холсту. Чтобы избежать психических реакций пигментов и сохранить яркость красок, не следует смешивать более трёх снов сразу. Элемов говорит, что к оттенку надо идти кратчайшим путем. Я верю ему. Я иду кратчайшим путем. Но часто он заводит меня в тупик. Я прислоняюсь щекой к бетонному полу. Слушаю его. Он молчит. Еще слушаю. Он начинает вибрировать, шипеть, извиваться. Змий поганый. Я встаю и иду к холодильнику. Там только протухшая вода в двухлитровой пластиковой бутылке. Иду к окну. Нет, нельзя открывать. Нельзя дышать. Надо думать. Колькотар. Я раздеваюсь до гола. Одежда мешает. Надо думать. Я выдавливаю еще и мажу себе лицо. И кладу колькотарову личинку себе в пупок. Светает. Скоро Элемов заснет. А я начну работать. Постепенно в глазах темнеет. И я вновь засыпаю, а когда просыпаюсь, я доволен. Я впервые видел сон. Он был черно-колькотаровый. И я понимаю, что надо делать.

Я
Не
Могу.

Я не могу остановиться. Не ем, не отдыхаю. Никуда не выхожу. Мне нельзя выходить, пока не кончу. Но я и сам не хочу. Я начал понимать колькотар. Он шепчет. Он нашептывает мне, что надо делать. И я слушаю его. Иногда звенит в ушах. И тогда меня тошнит. Иногда кружит и блестит. И тогда я прислоняюсь к стене и жду. Когда прекращает, я вновь у холста. Иногда я хочу есть. Очень хочу. Но не могу выйти. Тогда я пью маленькими глотками кипятка. И отпускает. Время, как мед. Тягуче и медленно. Время, как ветер. Стремительно и незаметно. То темно, и тогда я блуждаю вдоль четырех стен. Пока силы меня покидают. И сворачиваюсь клубком в одном из углов. Жду рассвета. Не дожидаясь никогда. Перед самым светом всегда проваливаюсь. Иногда на столе появляется еда. Иногда она исчезает. Иногда мне кажется, что я не один. И тогда я слышу голоса и тени. Они кружат по мастерской, говорят эхом, смеются, буравят взглядом, а потом останавливаются. Останавливаются и долго-долго стоят у меня за спиной, пока я пишу, не двигаются, не издают ни звука. А когда я оборачиваюсь, никого нет. Никогда не было. Иногда из-за двери доносится звон тарелок и запах жаренных яиц. Иногда из-за стены просачиваются липкий скрип и стоны. Я затыкаю уши. Я пытаюсь сосредоточиться. Но шум мне не дает сосредоточиться. Он мне мешает. Мешает колькотару смешаться с черным. Я мешаю его с черным. Я люблю черный. Черный – вместилище всех красок. Виноградная чернь. Noir de vigne. Rebenschwarz. Она древняя. Ее знали еще во времена Плиния и Ветрувия. Древесная черная липовая, ивовая, сосновая, обыкновенная. Пробковая чернь, испанская чернь. Трое не видят, не понимают разницы. А я все вижу, все понимаю. А минеральные черные... Это целый мир. Кто-то дергает меня за рукав и подносит к губам горячее. Открываю рот. Жую. Глотаю. Открываю рот. Жую. Глотаю. Натуральный черный мел, земляная черная. Открываю рот. Жую. Глотаю. Что-то жирное течет у меня по подбородку. Вытирают. Турская черная земля. Черная земля во времена Ченнино Ченнини пользовалась большим распространением среди живописцев. Дают запить чем-то сладким. Фламандцы, по свидетельству де Майерна, часто писали черной землей из Тура. Опять подносят к губам горячее. Открываю рот. Жую. Глотаю. Ведь тогда существовали два вида черной земли: жирная и тощая. В живо-

писи применялись, конечно, почти одни только тощие земли из черных сланцев. Меня гладят по плечу и дают хлеб. Я жую его. Глотаю. Если бы только у меня была Слоновая кость жженая. Великий *Elfenbeinschwarz*. *Noire d'ivoire*. Ее умели готовить еще во времена Апеллеса. Ей пользовались большинство живописцев, как южных, так и северных школ. Жженая слоновая кость рождает самый чистый, интенсивный черный цвет. Она отличается абсолютной глубиной. И если бы я мог, она была бы моей. Но для колькотара я могу предложить лишь ее сводную. Черную жженую кость. *Weinschwarz*. *Noir d'os*. Но впрочем... Ее рыжеватый оттенок может понравиться колькотару. Меня раздевают и ведут по длинному коридору. Четыре руки меня сажают в холод. А что если использовать ламповую копоть? Копченые чернила или сажу льняного масла? Сажу мастиковую или терпентинную? Вначале что-то мокрое и горячее лижет мои ступни, а потом медленно поднимается выше, облизывая голени, колени, бедра. Я покрываюсь мурашками. Пахнет сыростью и мылом. Четыре руки трут меня. Мочат мне голову. Капают на макушку что-то вязкое. Трут голову пеной. Все же нет. Нельзя колькотар мешать с ламповой копотью. Ее светочувствительность и прочность недостаточно изучены. Нельзя. Нельзя подвергать его такой неопределенности. Меня поднимают и закутывают во что-то мягкое. Сразу становится тепло. Пока меня ведут по длинному коридору, вспоминаю, что у меня еще есть вишневая черная косточковая и персиковая. *Noir de rêche*. Они рожают красивый черный цвет. Он может хорошо лечь вместе с колькотаром. Взбивают подушку, открывают одеяло, одевают меня в пижаму. Четыре руки укладывают меня в постель. Нет. Все же, жженая кость. Да. Мягко и тепло. Как в утробе. Буду делать на костях. Что-то тяжелое давит на глазницы и я засыпаю.

Я
Могу.

Могу сделать что-то новое, что-то глубокое и всеобъемлющее. Нужно только собственное растворение и осаждение в процессе. Оно есть. Чем больше я растворен и разбавлен, тем ярче рождаются образы. Оно есть. Промывка. И это есть. Для получения высококачественного сознания, как пигмента, огромную роль играют тщательность и полнота промывки. Фильтрация и отделение воды. Да, есть. Промытое сознание перед сушкой должно быть полностью освобождено от излишнего количества воды, содержащейся в нем. Никакой воды. Ни внутри, ни снаружи. Больше я не пью. Так образы и видения становятся четче и ярче, живописнее и ярче, яростней и ярче. Ярко. Здесь так ярко, что хочется завязать глаза черной тряпкой и писать вслепую. Видеть внутренним взором приходящие галлюцинации. Высушивание сознания. Идет быстрой песчаной волной с дальнего бархана. Кто-то гладит меня по плечу и подносит к губам круглое отверстие. Из него льется вода. Я не пью. Сжимаю губы капканом. Нельзя. Нельзя! Я высушиваю сознание, как пигмент. Никакой воды. Воды... Различают два вида сушки: на открытом воздухе и мой. Я сижу в сушильной камере, где воздух все время нагревается электрическим, масляным обогревателем. Слышу скрип. Тени хотят открыть окно. Я тоже тенью лечу к ним и дерусь. Не дам! Нельзя воздух. Вздох, сдох. Улетают. Я пишу. А в голове измельчаю и просеиваю сознание. Похожее на песок, не в пример целому камню, тонко стертое оно податливо. Я легко смогу смешать себя с маслом в однородную массу. Я высушенный пигмент окиси железа. Я почти колькотар. Сам элемовский колькотар. Не хватает лишь льняного масла. Я пишу. Я чувствую, что это будет настоящее произведение. Не картина. Нет. Не эта профанация. Это будет настоящее произведение. Жаль, что у меня нет *Elfenbeinschwarz*. Не в пример медленносохнущей *Weinschwarz* она все же быстрее высыхает. В одно дыхание с колькотаром. Я пишу, а за окном сменяются времена года и годы. Вселенная расширяется и вновь сжимается. Как зрачок, реагирующий на свет. Расширяется, сужается, расширяется, сжимается. Взрыв. Черная дыра. Человеческий зрачок – это Вселенная в первый и последний миг жизни. Я думаю, что человек – это и есть Вселенная. Все начинается

с его глаза, а точнее с *la pupille, die pupille*. Свет попадает в зрачок и в этот момент Вселенная начинает свое расширение. Из маленькой черной точки она постепенно превращается в весь мир. А потом, когда расти больше некуда, происходит большое сжатие. Человеческая Вселенная коллапсирует и схлопывается в сингулярность. В *la pupille*. Я подхожу к зеркалу. Смотрю зрачками в свои зрачки. Они расширены до предела. Скоро схлопнутся. Только бы успеть. Только бы успеть завершить произведение. Лицо бледное, желтоватое, масляное. Я становлюсь маслом. Выделяю масло, чтобы смешаться полностью сознанием с колькотаром. Вдруг слышу резкий деревянный стук. Колькотар. Стук. Стук-стук. Я вздрагиваю и покрываюсь гусиной кожей. Меня вырывает из колькотарова кокона и возвращает в мою мастерскую. Зрение проясняется. Без разрешения входит. Идет ко мне. Подходит вплотную. Высокий, мрачный, мятежный Халкос. Медноволосый. Венероподобный Марс. Я его знаю и не боюсь. Он один из тех трех. Встает передо мной. Что-то говорит. Трясет меня. Щекотно. Я начинаю смеяться, он начинает злиться. Трясет меня. Больно. Я начинаю плакать, он начинает злиться еще больше. Он хватает меня за руку и тянет куда-то вон из моего склепа. Я прокусываю его алебастровую руку. Драконова кровь капает. Киноварь капает на бетонный пол. Гёте говорил, что киноварь – это цвет с наивысшей энергией, доставляющий ощущение «невыносимого насилия». Да. Киноварь «особенно нравится энергичным, здоровым, грубым людям. Ему радуются дикие народы и дети». Да. Он дикий ребенок. Он грубый дикарь. Здоров, как энергия жизни. И в его венах кипит киноварью невыносимое насилие. И еще Гёте отмечал, что при разглядывании чистого киноварно-красного пятна оно кажется пронизывающим глаз, назойливым и невыносимым. Невыносимо смотреть на киноварь Марса. Он ошалело отдергивает руку. Что-то кричит мне про помешательство. Да, он очевидно не в себе. Говорит, что сегодня вечер одиннадцатого. И в одиннадцать придет Элемов. Я качаю головой. Невозможно. Время вязко как смола. Еще много дней в запасе. *Нет, сумасшедший. Нет у тебя времени в запасе. Завтра двенадцатый день. Финальный смотр работ. А предпросмотр через одиннадцать минут. Дай я приведу тебя в порядок. Хотя бы умою. Ты как труп.* Я отмахиваюсь. Не надо, уйди, уйди, дух! Я плачу, закрываю лицо руками. Глаза ядрено щиплет. В них попал колькотар. Колькотар везде. На лице, на руках, на груди, на стопах. Он стянул мне кожу и потрескался в местах сгиба. Медноволосый Марс качает головой, которая трескается и растворяется в спертom, горячем полумраке. За головой трескается шея, торс, пах, ноги. И затем он становится ветром. И покидает меня через дверную щель. Я стою и дрожу. Произведение готово. Оно безупречно. Лучшее, что я когда-либо создавал. Только как уже одиннадцатый день? Произведение еще не высохло. Мое сознание вновь окрашивается колькотаром. Я сажусь на пол и жду. Элемову должно понравиться. Он должен прийти в восторг, когда придет. Слушаю. Тишина. Слушаю. Тишина. Смотрю в окно. Перевожу взгляд. Стоит напротив мольберта, смотрит. Элемов долго смотрит. Элемов замер. Не двигается. Мое сердце не двигается вместе с ним. Я не дышу. Подхожу к нему. Встаю Элемову за спину. От него пахнет нефтью и смолой. Спина прямая, плечи широкие, но острые, рубашка белая, накрахмаленная. Я не дышу, но нефть и смола все равно проникают мне в нос. Элемов поворачивается. Он смотрит на меня пронзительно. Молчит. Что-то выжидает. Я делаю неловкий шаг навстречу. Элемов смеется и хлопает меня по плечу. Обходит мольберт, оглядывает мастерскую. Идет к двери. Останавливается. Поворачивается. Смотрит на меня. Внимательно, пронизывающе. Я вновь хочу подойти к нему, но он меня жестом останавливает. Я повинуюсь. Мнусь с ноги на ногу. Мну пол подо мной. Жду. Жду. Когда он скажет мне? Что мне надо исправить перед завтрашним днем? Или ничего? *Ничего, Януш. Ничего. Правда, я думал, что ты полностью отдашь этой работе. Тебе не хватает полного погружения. Исправь. И место твое.*

Часть 2. Яна

Написать картину, используя выданную нам краску... Неужели он не мог придумать ничего поинтереснее? Стоило только тюбику с колькотаром опуститься передо мной, как у меня в голове уже родился десяток вариантов того, что можно изобразить. Откровенно говоря, колькотаровым может быть все, что угодно – небо, воздух, кожа, болезненный или стыдливый румянец – все зависит лишь от того, что ты хочешь этим сказать. Вот что вы, Лев Исаакович, хотите сказать нам, предлагая этот цвет? Он пока ничего не говорит о нас, но уже что-то говорит о вас. Только вот что... Почему именно колькотар? *Caput mortuum vitrioli*. Чего вы ждете? Что именно вы так страстно хотите увидеть? Что я должна сделать, чтобы выиграть?

Мне нужна эта победа. Мне нужна эта треклятая путевка в жизнь. И в сто крат больше, чем кто-либо из присутствующих, я достойна этого. Взять, например, Януша. Он же просто безумный. Псих. Разве он сможет верно распорядиться выигрышем? Как это изменит его жизнь? Ему же нет никакого дела до славы и признания. Он словно животное, чей единственный инстинкт – писать маслом. Не буду врать самой себе – его работы впечатляют. Ну и что? Какое мне дело до талантливого идиота? В конечном итоге, все получает лишь самый умный и самый хитрый. И только я одна среди всех них подхожу под это определение. Только я одна.

Они смотрят на меня, и в их зрачках отражается холодная расчетливая сука. Перфекционистка. Хищница. И это так. Ради своей цели я пойду по головам. Сделаю все мыслимое и немислимое. Напишу настоящий шедевр.

Двенадцать дней. Нельзя полагаться на вдохновение. Нужна стратегия. В чем мое преимущество? Я технична, тактична и методична. Это должен быть портрет. Да, именно портрет. Никто, кроме меня не решится на такое. Ян слишком любит удивлять. Он слишком сложный. Кажется, что его вообще не интересуют люди. Никто, кроме него самого. Ему нравится лишь копаться в себе. Наверняка возьмется за какой-нибудь пейзаж-головоломку, колькотаровый лабиринт, натюрморт с увядшими плодами... За все то, над чем можно долго стоять и думать, а что же этим хотел сказать мастер. Яну определено есть, что сказать. Ян – опасный соперник. Но двенадцати дней может не хватить ему, чтобы воплотить в жизнь все свои идеи. А мне хватит. Мне хватит.

Да, чуть не забыла. Есть же еще Янин, нервно потирающий лоб, в надежде, что в его пустую голову придет какая-нибудь блестящая идея. Сомнительно. Янин – самый слабый из нашей четверки. Я вообще удивляюсь, как он все еще с нами. Посредственность. Пустышка. Но именно такие, обладай они определенной хваткой, и вырываются в лидеры, занимают все самые лучшие места. Но Янин не такой. Он тихий, смирный, не способный ни на предательство, ни на коварство. Или это всего лишь иллюзия? Вдруг он просто играет в ничтожество, пряча козырь в рукаве? Спокойно, Яна. Ты лучше всех.

Спокойно. Говори с ними спокойно и небрежно. Не показывай своего волнения. Улыбнись. Нет, лучше не стоит. Просто наблюдай за ними. Воодушевление, протест и страх. Интересно, что они читают на моем лице? Удастся ли мне выглядеть расслабленно и невозмутимо? «Удачи, ребята. Удачи, Яна», – говорит Янин и жалко заглядывает мне в глаза, надеясь, что я подбодрю его. «Спасибо», – холодно отвечаю я.

Время идет. А я все ищу что-то, что не могу передать словами. Кажется вот-вот, и я увижу именно то, что нужно. Но то, что нужно, ускользает от меня. Я ничего не могу найти. Часы идут слишком громко. Спина затекла от слишком долгих поисков. Мне нужно нечто завораживающее, пугающее, что-то прекрасное и постыдное. Какой-нибудь образ, взгляд, жест, отблеск вечности. Я смотрю в монитор и пролистываю, пролистываю, пролистываю изображения. Слишком приторно, слишком посредственно, слишком патетично, слишком, слишком,

слишком. Вся история искусства пронесется перед моими глазами, которые щиплет и разрывает от напряжения. Я чувствую, как один за одним лопаются капилляры, окрашивая белки цветом крови. Сухая старая кровь. Колькотар. Во рту кислый вкус. Кажется, я пью слишком много кофе. От этого может испортиться цвет лица. Краем глаза я улавливаю свое отражение в зеркале. Грязные волосы, безумный взгляд, болезненное лицо. Как можно работать над чем-то великим в таком виде? Искусство – это работа. И для посещения муз есть определенный дресскод. Стратегия, Яна. Системный подход. Твой рабочий день на сегодня подошел к концу. Необходимо очистить сознание. Очистить тело. Я – пустой сосуд, готовый принять в себя вдохновение.

Как же приятно. Горячие струи касаются кожи. Пар покрывает зеркало тонкой туманной пеленой. Мне немного стыдно, ведь Лев Исаакович запрещает нам очищать тело, пока не будет готова картина. Но это моя жизнь. Это мой шанс. А его здесь нет. Он не может знать, что я делаю. Мое тело – мой холст. Мое тело – мое дело. Мне необходима концентрация, которой нельзя добиться, будучи грязной. Мне нельзя отвлекаться на телесное. Необходимо удовлетворить низменные потребности, чтобы сосредоточиться на искусстве. Я должна быть чистой и сытой. Пустой и наполненной. Цельной.

Стыд возбуждает меня. По коже бегут острые мурашки. Я нарушаю установленные правила. Я делаю то, что он запретил нам делать, и от этого чувствую себя счастливой. Порой мне хотелось бы быть другой. Более распутной, более безумной, хорошенькой пустышкой, которую бы все любили и желали. Но я не такая. Меня разве что с натяжкой можно назвать интересной. Ну и пусть. Пусть меня нельзя полюбить ни за смазливую мордашку, ни за прекрасную душу. Ни того ни другого у меня нет. В физиологической гонке я одержала безоговорочное поражение. Но я уже давно это приняла. Да, вначале было больно. Как после серьезной операции по трансплантации органов. Моя душа отторгала тело, и наоборот. Но потом все пришло в норму. Я полюбила быть чудовищем. Я перестала прятать свои недостатки, я стала подчеркивать их. Лучшая защита – это нападение. Лучшая маскировка – спрятать самое ценное на видном месте. На видном месте...

Ну, конечно же. Это было так просто, что я не придавала этому значения. Я отвлеклась от главного. Я искала там, где ничего нельзя было найти. Я помешалась на форме, забыв про содержание. Я пыталась увидеть, а не услышать. Колькотар. Ведь это не просто краска. Это – метафора. Колькотар. Медный цветок. Мумия. Окись железа. Fe_2O_3 . Гематит имеет такую же формулу. Железная роза. Кровавик. Колькотар – это смерть, траур. Колькотар – это звук органа. Тяжелая, звенящая, пронзительная мелодия. «Fantasia F Minor» Моцарта. Только ниже, страшнее. Последняя песнь. Плакание.

Я стираю воду с груди и живота. Я насухо вытираюсь и накидываю сверху крахмально-белую рубашку. Я встаю напротив зеркала и протираю его скользкую поверхность влажными пальцами. В образовавшемся проеме я вижу острые, удлиненные, словно вышедшие из-под кисти художника-маньериста, черты своего лица. Два воспаленных глаза пристрастно глядят на меня из зазеркалья. Я вспоминаю все то, что когда-либо причиняло мне боль. Глаза наполняются влагой. Я думаю о том, что никто и никогда не поймет меня и не примет такой, какая я есть. Соленая жидкость переливается через края. Я боюсь, что Лев Исаакович выберет кого-нибудь другого. Две горячие капли падают на мои щеки. В ушах органомным звоном звучит колькотар. Я успеваю запечатлеть в памяти этот момент, пока окончательно не захлебываюсь слезами. Я рыдаю в голос. Так, как никогда в жизни. Завываю, как подстреленная волчья сука. Я кричу, как плакальщица. И тонкие стены мастерской не в силах сдержать моей истерики. Я уничтожаю себя. Я отпускаю себя.

Я прихожу в себя. И точно знаю, что хочу сделать. Утреннее солнце освещает край моей подушки. Еще немного, и его теплые лучи коснутся моего лица. Я не отворачиваюсь.

Мне хорошо. Я нашла то, что нужно. Колькотар раскрылся передо мной. Я услышала его. И он явил мне образы. Пылающий, но не сгорающий терновый куст, в центре которого заключена дева с младенцем на руках. Терновый куст горит и не сгорает, так же как дева рождает и остается целомудренной. Богоматерь Неопалимая Купина. Мадонна со сверкающим сердцем в груди, обрамленным венком из роз. Непорочное сердце. Царица небесная, сидящая на престоле с сыном на руках, напоминающая изображения всемогущих материнских божеств Египта, Греции и Рима. Маэста, Величание. Богоматерь с младенцем в одной руке, второй указывающая на него верующим. Древнейшее изображение Богородицы, по преданию сделанное евангелистом Лукой. Одигитрия, Путеводительница. Богоматерь, стоящая с воздетыми к небесам руками. Оранта, Панагия, Знамение. Мария, защищающая людей своим покровом. Мизерикордия. Богородица, нежно прижимающая к груди или щеке тянущегося к ней младенца. Елеуса, Умиление. Младенец хватается за мать и откидывает голову назад в страшном и тоскливом предчувствии Страстей. Пелагонитисса. Богоматерь, кормящая младенца. Галактотрофуса. Мадонна, возносящаяся на небеса. Ассунта. Богородица, оплакивающая снятого с креста Иисуса. Mater dolorosa, Богоматерь Скорбящая, Пьета.

Пьета была последним образом из тех, что я знала. После нее колькотар явил мне то, что я никогда не видела раньше. Мадонна в траурной кружевной мантилье с бледным младенцем, прижатым к ее груди. В глазах Марии стоят слезы, глаза же ребенка закрыты. Времени не существует. Все происходит в один и тот же миг. Иисус рождается, умирает и воскресает в один и тот же момент. Он младенец и ему уже тридцать три. Будущего нет. Прошлого нет. Есть лишь одно длящееся настоящее.

Луч света целует меня в губы и я встаю. Впереди – десять полных дней. Меня снедает любопытство. Что сделали другие? Что они собираются сделать? Есть ли среди них кто-нибудь, кто способен вырвать у меня победу... Я наскоро одеваюсь и отправляюсь к Янушу. Еще не открывая двери, я чувствую тошнотворный запах его грязного тела и растворителя. Запах его болезненного безумия. Приоткрываю дверь, зажав ладонью нос. Как же смердит. Здесь можно задохнуться. Он не видит меня. Он не замечает меня, прислонившись головой к стене. Он что-то шепчет себе под нос. Все его пальцы, все предплечья перемазаны краской. «Что ты делаешь?», – наконец, спрашиваю я. Но он не слышит. Он шепчет и шепчет. До меня долетают слова о том, что он что-то не может понять, названия красок. Что ты не можешь понять, Януш? Это я не могу понять тебя. Мир в твоей голове намного хаотичней, чем мир вокруг. Я перевожу взгляд на холст. Колькотаровый подмалевок. Дальше может быть все, что угодно. Как же душно. К горлу подкатывает тошнота. Я выхожу, захлопнув за собой дверь. Ловлю ртом кислород, пытаюсь надышаться. А вдруг он задохнется там внутри? Надо открыть ему окно. Нет, не надо Яна. Если он задохнется, то так будет даже проще. Уходи.

Я ускоряю шаг. Почти что врываюсь в мастерскую к Яну. Мне почему-то хочется вывести его из себя. Вывести его из равновесия, чтобы он не смог творить. Он поворачивается. Смотрит на меня своими красивыми, гневными глазами. Я замечаю, что на его палитре нет колькотара. На его холсте нет колькотара. Ян ненавидит подчиняться. Он не признает авторитетов. Слово Льва Исааковича для него не закон. Даже сейчас, когда решается его судьба, он не хочет следовать правилам. Он хочет обойти систему, взломать ее. Самоуверенный засранец. Ян хочет что-то сказать, но я ничего не хочу слышать. Мне достаточно того, что я вижу. Он не будет использовать колькотар. Его Это для него важнее, чем победа. Он думает, что единственный настоящий среди всех нас, а мы – лишь глупые овцы, выполняющие то, что нам велено. Его гордыня непостижима. Его гордыня уязвляет. Лев Исаакович не станет этого терпеть. Ян мне не конкурент.

Остается лишь Янин. Но у него заперто. Я прислушиваюсь к звукам за дверью и ничего не слышу. Ничего, кроме чирикания его попугая. Внезапно раздается «Кто там?». Я вздрагиваю. Отвечаю. «Кто там?», – повторяет странный, немного фонащийся голос. Чертова болтливая

птица. Надеюсь, его хозяин не сбежал и не умер. Ложусь на пол и пытаюсь всмотреться в щель под дверь. Ничего не видно. Будет жаль, если не удастся увидеть его позора. «Кто там?», – кричит попугай и сам же отвечает: «Коль-котар. Колькотар. Колькотар!»

Я возвращаюсь к себе и начинаю готовиться к работе. Ставлю на мольберт загрунтованный холст. Рядом – гипсовую голову Венеры. Готовлю кисти, тряпки, мастихины. Смешиваю несколько капель льняного масла, пихтовый лак и кобальтовый сиккатив. Лью последний щедро. Часы бегут. У меня нет времени на длительную сушку. Необходимо ускорить процесс, даже если придется терпеть этот невыносимый запах. Я выдавливаю на палитру колькотар. Любуюсь им. Темный, вдовый, траурный. То, что нужно. Я смешиваю его с косточковым черным. Тонкой кистью выпишу кружева. Царская траурная мантилья. Похоронный мафорий. Свинцовые белила, неаполитанская розовая, неаполитанская телесная, турланская охра для кожи. Немного неаполитанской желтой. Горошина Ализарина малинового и Кобальта синего. Вдруг я замираю. Сердце останавливается. Я не знаю, каким сделать фон. Железная лазурь. Турецкая голубая. Берлинская лазурь. Нет. Нужно что-то нейтральное. Землисто-серый. Серая теплая. Золотая охра. Сиена жженая. Мне становится трудно дышать. Я теряю образ, который так четко видела перед собой. Землисто-красный. Нет. Марс черный разбеленный. Нет. Умбра вишневая. Нет, ее у меня нет. Умбра жженая. Да. Умбра жженая и охра золотая. Немного золота – это то, что нужно. Царица небесная. Умбра жженая и охра золотая. Вибрирующий свет, караваджийское тенеброзо, леонардовское сфумато.

Я готова. Я сажусь на табурет, смотрю на часы, ставлю Фантазию Моцарта для механического органа на повтор. Время пошло. Я погружаюсь в процесс. Я растворяюсь в процессе. Меня уже нет. Тонким карандашом набрасываю контуры. Приступаю к подмалевку. Надо работать быстро, пока краски не начнут скатываться на кистях. Кисти моих рук срastаются с кистями. Я сама превращаюсь в инструмент. Меня уже нет.

Я застаю себя спящей. Когда краски сохнут, я сплю. Я закрываю глаза и проваливаюсь в неизвестность. Я ставлю будильник. Просыпаюсь и вновь приступаю к работе. Ставлю будильник. Просыпаюсь и вновь приступаю к работе. Я работаю тонко и деликатно. В техническом смысле я совершенна. Я отхожу, смотрю на то, что получилось. Я довольна. Мне нравится то, что я вижу. На маленькой электроплитке я варю кофе. Сидя на полу, я выпиваю все до последней капли. Разжевываю молотые зерна. Я ставлю будильник и засыпаю на двадцать минут. Мне снится Мадонна. Она закрывает мне веки. Аве, Мария. Слава над нею. Я вновь приступаю к работе. Я наливаю себе вина. Хлеб и вино. Плоть и кровь Господни. Кисть скользит по бледной поверхности щеки. Младенец мертв. Младенец спит. Реальность сливается со сном. Я просыпаюсь в холодном поту. Будильник не прозвенел. Я проспала десять часов. Я проиграла. До боли кусаю губы. Идет кровь. Кровь капает на палитру. Я смешиваю ее с колькотаром. Я пишу слезы Богородицы своими слезами. Время идет слишком быстро. Мне становится страшно. Я принимаю холодный душ. Я кричу от холода. Я хочу проснуться. Я просыпаюсь. И вновь приступаю к работе. Масло сохнет слишком медленно. Я включаю обогреватель на максимальную мощность. Срываю с окон шторы. Нужно много света и много тепла. Я завожу будильник и ложусь спать. Мне кажется, я горю. В ушах звучит колькотар. Я становлюсь пеплом. Я обращаюсь в пыль и разлетаюсь по мастерской, оседая на предметах. Я порчу собой лик Богородицы. Я порчу собой колькотар. Я просыпаюсь. Я задыхаюсь и продолжаю работать. В комнате так невыносимо жарко, что я теряю сознание. Это мое личное извержение вулкана. Мой личный Последний день Помпеи. Мне кажется, что я умираю. Но я просыпаюсь вновь и вновь приступаю к работе. Я включаю еще один обогреватель. Так жарко. Мне кажется, что все мое тело покрывается ожогами. Мне больно есть. Мне больно спать. Звон будильника причиняет мне боль. Я просыпаюсь и недоумением смотрю на картину. Неужели это я? Или кто-то другой сделал это за меня? Я плачу от того, как это прекрасно. Я смотрю

на календарь. Остались еще сутки. Я успела. Я опередила время. Я выключаю обогреватель и распахиваю окно. Я дышу и задыхаюсь. От воздуха и от счастья. Я убираюсь в мастерской. Все должно быть чисто и аккуратно, как раньше. Никто не должен видеть, что я сошла с ума. Я ложусь спать. Впервые за эти дни мне легко и спокойно. Я поглядываю на свою Мадонну. Она смотрит на меня. И даже уснувший вечным сном младенец вдруг открывает глаза.

Я просыпаюсь и иду в душ. Смываю с себя краску и безумие. Надеваю свое лучшее платье. Укладываю волосы. Крашу глаза. Сажусь за пустой письменный стол и жду предприсмотра. Лев Исаакович приходит в урочный час без стука. Он всегда пунктуален. Я встаю. Вытягиваюсь, как струна, и приветствую его. Он отвечает мне коротким кивком и подходит к мольберту. Я вижу, как расширяются его зрачки. Кажется, он удивлен. Уголки его губ вздрагивают в подобии улыбки. Он подходит ближе, рассматривая детали. Колькотарово-черная мантилья идеальна. Я молча люблюсь ей со стороны. Он поворачивается ко мне. Подходит вплотную. Так, что я могу почувствовать жар и запах его тела. *Прекрасно, Яна. Я впечатлен. Ты превзошла сама себя. И я бы выбрал тебя уже сейчас, но есть одно «но». В твоей работе не хватает свободы. Здесь чувствуется страх ошибки. Освободи себя, Яна. И тогда победа будет твоя.*

Он уходит, а я остаюсь все так же напряженно стоять на месте. Я стала мрамором. Каменным идиолом, приросшим к полу. Внутри меня все обливается кровью. Вместо сердца – колькотаровый гнойник. Перед глазами все расплывается. Я слепну от гнева. Я никогда не смогу стать более свободной, чем в этой картине. Я отпустила себя, а он этого не заметил. Во рту чувствуется вкус желчи и металла. Я впииваюсь ногтями в ладони, чтобы не разреветься в голос. Чтобы он ничего не услышал. Я закрываю глаза и начинаю тихо молиться. Дай мне сил. Дай мне сил. Дай мне сил.

Часть 3. Ян

Рабы системы. Мне вас жаль. Хотя нет, не жаль. Вы сами выбрали этот путь. Беспрекословно слушаетесь этого самодовольного титулованного павлина. Элемов. Почетный художник. Элемов. Народный художник. Кавалер ордена Почетного легиона. Лауреат премии Пикассо. Иностраннный член-корреспондент Академии изящных искусств Франции. Президент академии художеств. Он любит непрестанно перечислять свои звания и награды, награды и звания, чтобы мы ненароком не забыли, кто перед нами стоит, сидит, говорит. Никто не любит себя так сильно и страстно, как Элемов. Даже его преданные обожатели не смогут сравниться с ним в искусстве облизывания его великодержавных заслуг. Вы все его обожествляете. Гордость и тщеславие – вот те болезни, которыми неизлечимо болен Элемов. Он чрезмерно высокого мнения о своих достоинствах. Гордец. Он чтит только самого себя. И ему плевать на всех нас. Свои прихоти и желания Элемов считает выше морали. С презрением и насмешкой относится он к мнениям и советам других людей и не откажется от своих взглядов, как бы ни были они ложны. Гордый и тщеславный человек из самого себя изваял идола. И вы, с каждым подобострастным согласием, с каждым кивком и поклоном лишь усиливаете ощущение его величия.

А сейчас он дает мне этот проклятый тюбик с колькотаром и предлагает всего за двенадцать дней создать «шедевр», который бы поразил его в самое сердце. Может, лучше в самое горло? Сердца-то у тебя нет, Элемов, нет. Тебе на всех плевать. Единственное, что тебе интересно, так это играть людьми. Изучать их, как какую-нибудь инфузорию-туфельку, под микроскопом. Какую реакцию вызовет твой очередной приказ? Я смотрю на остальных. Януш вцепился кривыми пальцами в свой тюбик и не сводит с него напряженного взгляда. Несчастный дурак. Гениальный шизик. Мой бедный друг. Яна сидит с прямой спиной и пытается сделать вид, что ей нет дела до финального задания. Но я-то знаю, что она готова душу дьяволу продать, лишь бы ты выбрал ее. Янин, конечно, испуган. Весь сгорбился и посерел. Элемов смеется. Мы молчим. Что тут скажешь? Живопись и свобода, очевидно, не являются синонимами в твоём сознании. Ты же знаешь, что нельзя написать картину просто потому, что кто-то приказал тебе это сделать. Нельзя измерить талант человека мериллом беспрекословного соблюдения инструкций, правил и заданий. Нельзя прийти к художнику и сказать: «А через двенадцать дней ты мне создашь шедевр. Пиши колькотаром. Мне плевать, что ты там о себе думаешь. Если не справишься, значит, ты бесталанная вошь». Хотя, может, тебе именно так и говорили? Элемов, голубчик, вот тебе киноварь. Напиши ей историю любви к своему Отечеству за один оборот Луны и станешь Народным. А ты им в ответ «хорошо, будет». И думаешь, как же хорошо-то будет. Стану я Народным. Ну, склоню я голову раз, подлижу здесь два, ну, ничего. С меня все, как с гуся вода. Народными ведь на дороге не разбрасываются. Зато я стану Большим Человеком. Личностью. Ну что? Стал ты им? Сам для себя стал? Все эти звания греют тебе ту полость в груди, где когда-то раньше жила душа? А знаешь почему тебе все время холодно? Тебе страшно. Ты подписал такой договор с самим собой, со своей совестью, что только и остается что непрестанно дрожать от холодного ужаса. Это я? Это ли я? Тот идеалист, который верил когда-то в силу искусства. В честность. В свободу. Где же я? Когда я умер и мое место занял этот незнакомый мне человек? Знаешь, почему ты пишешь ночью, а днем забываешься зыбким сном? Ты – вурдалак. Самый, что ни на есть, настоящий упырь. Выйдешь на солнце и тотчас же умрешь. Солнце тебя мигом сожжет. А ты не хочешь сгореть, тебе нравится медленно плавиться в своей мастерской. Ты сейчас смотришь на нас, высокомерно подняв острый подбородок и породистый орлиный нос, а сам думаешь: «Как же я вас ненавижу... Вы молоды, свежи, еще не продавали себя, не продавали других, не мстили,

не ревновали, не предавали. Для вас мир – место больших возможностей, исполнения ваших наивных желаний, любви и беззаботности. Я преподам вам последний урок. Пора раскрыть вам глаза и обнажить ваши истинные натуры. Вы не милые щеночки, которые готовы прийти друг другу на помощь. О, нет. Вы – гиены. Падальщики. Такие же, как и я.» Нет, Элемов. Мы не такие же. Мы – другие. Мы никогда не станем такими же подонками, как ты. Никогда не продадим себя. Всегда будем в ладу с собой и своей совестью. И ты это знаешь. И именно поэтому ты даешь нам сегодня по тюбику с мертвой головой внутри. Это не просто краска. Это инициация. Ты хочешь, чтобы мы убили сами себя. Продали себя тебе за блага благоустроенной жизни. И тогда ты выиграешь. Колькотар – это краска, которой ты хочешь, чтобы мы нарисовали смерть.

Я возвращаюсь к себе в мастерскую. Пока иду по темному промозглому коридору, думаю, что же делать. Нет, для себя я все, конечно, уже решил. Пошел он со своим заданием. Я не его марионетка. Я не буду делать то, что он мне скажет. Я не продажная тварь, как Яна. Не вежливый трус, как Янин. И не сумасшедший, как Януш. Для каждого из них есть только один способ существования – четко придерживаться установленной иерархии. Есть мастер и есть воля его, а все, что ты сам чувствуешь, испытываешь, желаешь, понимаешь, в конце концов, не важно! Я так не могу. Я так не могу. Не могу и не хочу. Я знаю, что у каждого свой путь, но не понимаю, как художник, творец может следовать по пути раба. Это невозможно. Это противоестественно! Мастер должен лишь обучать ремеслу, а не указывать путь. Но кажется, наши учителя позабыли это. Наш учитель. Элемов. Когда-то я пришел к тебе, потому что восхищался тобой. Ранний Элемов. Ваши картины, были неопалимой купиной. Отчего куст горит огнём, но не сгорает? Оттого что вы были собой и никем другим. Несочетаемое, прекрасное, дикое, настоящее, ваше. Вы были свободны в своем искусстве. Вы были Вы. А сейчас вы стали «ты». Твои работы продаются. Ты имеешь успех, но теперь ты – никто. Подневольный своих званий и наград, каторжник своего положения в обществе. Теперь ты не можешь сказать, что гавно – это гавно, а сука – это сука. Теперь ты говоришь, что воздержишься от суждений. Не ты судья. Не ты? Тогда кто ты? Художник – всегда судья. Художник – творец. Художник должен судить, должен говорить правду, разделять добро и зло, красоту и уродство. Художник – творец! Но ты теперь боишься натворить такого, что могло бы разрушить так тщательно сооружаемую тобой карьеру. Тебе страшно обидеть того и не угодить этому. Конечно, ведь тот дал тебе Народного, а этот Почетного. Ты у них в долгу по гроб жизни. Ты не можешь написать море, потому что море сейчас плохо продается, да и вообще – это моветон. Так тебе это говорит твой арт-агент и галерист из Брюгге или Берлина. Галерея от слова галера. Это твоя галера. Твоя расплата за «успех». Про тебя знает весь старый и новый свет. Ты не можешь его разочаровать, не можешь заниматься «самодеятельностью». Но и не можешь больше называться художником среди художников. Знаешь, что про тебя говорят? Говорят, что ты – продажная девка. Элемов, ты – шлюха. И это теперь невозможно изменить. Ты продал свой талант. Продал. Но зачем же ты хочешь сделать нас себеподобными? Ты же живешь в Преисподней. Твоя неопалимая купина давно сгорела, от нее даже углей не осталось. Так, только пепел. Ты был свободен, как ветер. А теперь кто-то другой стал ветром. Кто-то молодой и бесстрашный. И этот кто-то другой развеет пепел, и от тебя ничего не останется.

Когда я вхожу к себе в мастерскую, первым делом я раскрываю пошире окно и выбрасываю тюбик с колькотаром. Сажусь на широкий подоконник и принимаюсь делать наброски будущей картины. Уличный фонарь светит своим болезненным оранжевым светом мне прямо на бумагу, даже свет не надо включать. Я вставляю наушники и включаю рок. Волны звука бьют мне в барабанные перепонки, как волны о скалы, и я не замечаю, как начинаю рисовать 4В океан в своем альбоме. Элемов ненавидит воду. Все, что я когда-нибудь писал с морями,

реками, озерами и океанами он ненавидел. Говорил, что это бездарно. Что написать море может любой дурак. Дай человеку кисть и он тут же выдаст море. А еще небо, солнце и траву. Это вульгарно. Это примитивно. *Ты же не ученик какой-нибудь захудалой художественной школы? Не бездарность? Зачем ты опять пишешь море? Если не можешь не быть маринистом, то будь добр, мой друг, пиши как Айвазовский. Сейчас же я вижу полную профанацию. Либо делай превосходно, либо не делай никак. Не нужно тратить время на «хорошо» и «нормально». Не нужно. Я и не трачу время на «хорошо» и «нормально». Я всегда делаю «превосходно». Только твоя «слепота» не дает тебе это увидеть. Создавайте для восприятия либо невыносимо сложные произведения, либо олигофренически простые. Никогда не используйте золотую середину. Эта середина – путь в беспросветную бедность и неизвестность. Вы сейчас можете этого не понимать, но когда поймете, будет поздно. Используйте свой талант вместе со своей молодостью. Гениальный сорокалетний художник, не понявший, как устроен этот жестокий мир, всегда проиграет молодому талантливому парню, который играет по правилам современных галеристов. Не стройте иллюзию, что вы особенные и знаете больше нас. Я желаю вам добра, даже если, порой, вам кажется, что я мучаю вас. Это для вашего же блага. Я не хочу, чтобы вы упустили ваше время. Вы не должны его упустить. Из всех я выбрал именно вас четверых. Вы все – продолжение меня. Ты хорошо говоришь. Ты хитрый и умный. А еще ты старый. Ты делаешь вид, что хочешь нам помочь, а на самом деле, ты хочешь нас зарыть живьем. Ты пытаешься нас похоронить, но ты не знаешь, что мы семена. Эти трое поверили тебе. Верят безоговорочно. Но не я. Я знаю из какого теста ты слеплен. Я знаю, что ты обманщик. Ты диавол. И именно поэтому я выкинул твой колькотар вместе с твоим долбаным шансом «безбедной» жизни. И именно поэтому я нарисую так ненавидимый тобой океан. Бушующий океан. Шторм. Это мой бунт против тебя и твоих правил. Это моя война. Война во имя свободы. И я ее выиграю, чего бы мне это не стоило.*

Дни несутся быстро, но и я не опаздываю с работой. Кажется, я уложусь в срок, день в день. Часто навещаю Януша. Его мастерская – рядом с моей. Он безвылазно сидит у себя. Приношу ему еду, но он сам не ест, пьет один лишь кипяток, чтобы заглушить голод. Поэтому в последние дни я кормлю его сам. Кажется, он медленно сходит с ума. Ни на что не реагирует. Так погружен в работу, что не замечает, когда я прихожу, когда я ухожу. Иногда я останавливаюсь перед мольбертом, за его спиной, и смотрю, смотрю, как он выводит колькотаром, должно быть, красного льва.

Как там у Гёте в «Фаусте»?

«Являлся красный лев – и был он женихом,
И в теплой жидкости они его венчали
С прекрасной лилией, и грели их огнем,
И из сосуда их в сосуд перемещали...»

Да, и от этой смеси больные гибли все без исключения. В этом есть что-то пророческое, не правда ли, Элемов? Всех, кто болен, твой колькотар добьет в неволе. Бедный мой Януш. Судьба подарила тебе такой талант живописца, дала золотые руки и чувство меры, цвета, пространства композиции. Ты – реинкарнация Рафаэля, но только ты этого не понимаешь, не осознаешь. Ты находишься где-то далеко, хотя и здесь телом. Где ты? В каком мире ты обитаешь? Бедный Януш.

У тебя жутко смердит в мастерской. Ты вообще не проветриваешь ее. Какофония зловоний из растворителей, масла, человеческой грязи и полного отсутствия свежего воздуха могут лишиться рассудка любого. Смотри, Элемов, смотри! Смотри до чего ты доводишь людей. Ты же знал, что Янушу нельзя давать такого задания, знал, что у него начнется помутнение, знал,

что он, как никто другой, будет самоотверженно истязать себя вместе с холстом, чтобы в итоге вышел, как ты говоришь, «шедевр». Я прихожу с подносом. На нем горячая солянка, черный хлеб и черный чай. Все, как ты любишь, мой бедный друг. Кормлю тебя с ложечки, ты рассеянно глотаешь и моргаешь. Где ты сейчас находишься? О чем думаешь? Мысли твои далеки. Вытираю тебе подбородок, как маленькому ребенку. Кушай, пожалуйста, внимательнее. Пою чаем. Забираю поднос и отношу к себе. Потом помою посуду. Сейчас тебя надо вымыть. Иду за Янином. Мне в одиночку с тобой не справиться. Вроде бы ты худой и костлявый, но тяжелый, будто труп. Невозможно сдвинуть с места.

Привет. *Привет.* Поможешь мне? *Да, конечно. Я помогу. Помогу. Что нужно?* Нужно Януша помыть.

Идем к нему. Я его раздеваю до гола. Перед нами открывается тщедушное бледное тело, покрытое язвами и гнойниками, порезами и ранами, замазанные колькотаром. Берем его под локти и ведем в конец коридора в общую ванную. С трудом усаживаем его. Он что-то шепчет про лампы и копоть. Мы наполняем ванну горячей водой и принимаемся аккуратно оттирать грязь с него, стараемся не раскровавить раны на коже. Возимся долго. С нас сходят литры соленого пота. Тело Януша сидит молча, сам он где-то далеко. Моем его грязную, засаленную голову, слипшиеся темные волосы, следим, чтобы мыло не попало в глаза. Когда все завершаем, приводим его в мастерскую и укладываем спать в чистую постель в чистой одежде. Хорошо, теперь я за него не волнуюсь.

Я лежу в постели и думаю, как я ненавижу Элемова. Что он делает с нами? Но главное, почему если я такой свободный и мне никто не нужен, почему я все еще здесь? Почему я в учениках у Элемова, а не в его учителях? Отворяется дверь. Ко мне в помещении проскальзывает тень. Забирается под одеяло. Целует жарко, целует грязно. Вызывает влажные стоны. Мы сливаемся в одно целое. Тишину этажа нарушает наше громкое дыхание, и скрипы, скрипы, скрипы.

Яна сообщает, что сегодня в одиннадцать вечера Элемов зайдет к каждому из нас на предпросмотр. И что? Пусть. Мне скрывать нечего. Мою работу и так уже видели все, кто только хотел ее увидеть. Как, впрочем, и я работы других. Не важно, что и как вы пишете. Главное чем. Колькотаром. Все. Вы все рабы системы. Никто не осмелился быть собой, не осмелился наплевать на правила. А я наплевал. И знаете что? Я свободен. Мне ничуть не страшно, что же мне скажет сегодня Элемов, потому что я вне игры. Вот ты помнишь, как ты скривилась, когда пришла ко мне и не увидела колькотара на моем полотне, Яна? Помнишь, как твое холодное лицо озарило чувство довольства и спокойствия. Помнишь, как ты успокоилась, что одним конкурентом меньше, одним шансом больше. У Элемова сегодня будет такое же лицо. Ты думаешь, что ты победила. Ты шептала мне об этом ночью. Ты победила? Это так важно? Слава? Успех? Почему это так для тебя важно? Кому и что ты пытаешься доказать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.